

Письма изъ Германіи

(Националь-соціалисты).

Въ 1919 году — прославленный нынѣ вождь националь-соціалистовъ — Адольфъ Гитлеръ вступилъ седьмымъ членомъ въ «нѣмецкую рабочую партію». На первое открытое собраніе новой партіи пришли тѣ-же семь чело-вѣкъ, что разсылали рукописныя приглашенія: ни одного сочувствующаго, ни одного любопытствующаго гостя.

За одиннадцать лѣтъ картина измѣнилась до неузнаваемости. На сентябрьскихъ выборахъ въ Рейхстагъ національ-соціалисты собрали 6.400.000 голосовъ (изъ 35 милліоновъ). Это значитъ, что каждый пятый человекъ въ Германіи — нынѣ националь-соціалистъ.

Чѣмъ объясняется этотъ небывалый, для большинства совершенно неожиданный успѣхъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо пристальнѣе всмотрѣться въ общій результатъ послѣднихъ выборовъ. Въ качествѣ наиболее характерной черты этихъ выборовъ нѣмецкая печать не разъ отмѣчала — полный разгромъ буржуазной демократіи; какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго толка. Изъ 35 милліоновъ выборщиковъ 20 милліоновъ голосовало за опредѣленно враждебныя буржуазному индивидуализму массовыя партіи соціалистовъ (с. д.), коммунистовъ и національ-соціалистовъ. Всѣ нѣ католическія буржуазныя партіи собрали вмѣстѣ всего только 7 милліоновъ голосовъ. Изъ нихъ два съ половиною милліона отпадаютъ на безыдейныхъ и безпринципныхъ защитниковъ своихъ узкихъ хозяйственныхъ интересовъ — (*Wirtschaftspartei, Landvolk*: группа *Schiele*). За идею либерализма, въ томъ смыслѣ, который этому термину придавалъ 19-й вѣкъ, высказалось, такимъ образомъ, всего только 4½ милліона избирателей.

Итакъ, первое, что должно быть отмѣчено, это то, что національ-соціалисты пришли къ призовому столбу не одни, а въ очень большой и пестрой компаніи враждебныхъ либерализму и буржуазной демократіи силъ. Пораженіе это нельзя конечно отождествлять съ пораженіемъ демократіи, какъ формально-политическаго принципа. Но и раздѣляя оба начала, нельзя все-же не видѣть, что выборы 14-го сентября нанесли ударъ не только буржуазно-индивидуалистическому міросозерцанію либерализма, но и демократическому началу, какъ таковому. Максимальнаго успѣха среди побѣдителей добились враждебные демократіи національ-соціалисты и коммунисты.

Въ чемъ-же дѣло? Почему еще недавно влскуціе лозунги либерализма и демократіи, свободолюбіи и народоправства нынѣ не звучать; не вдохновляютъ прежде всего новаго, молодого, активнаго избирателя? Для каждаго, не совѣмъ ослѣпшаго наблюдателя европейской жизни ясно, что объясненіе надо искать въ томъ, что демократія перестала быть въ Европѣ живой революціонной идеей; превратилась въ борьбу интересовъ; превратила свободу борьбы за истину въ разнузданную борьбу всѣхъ мнѣній противъ истины, а идсю народа — въ общій всѣмъ группировкамъ защитный цвѣтъ партійныхъ домогательствъ.

Это скрытое обстояніе вещей и вывели на свѣтъ Божій выборы 14-го сентября. Побѣда въ борьбѣ партій осталась за міросозерцаніями. Влеченіе къ міросозерцанію, все равно какому: — католическому, коммунистическому, расистскому оказалось сильнѣе вѣры въ реальную политику достижимыхъ цѣлей. Безъ учета этого, въ концѣ концовъ все-таки идеалистическаго момента, т. е. безъ учета того факта, что національ-соціалисты шли въ бой съ твердою вѣрою въ непоколебимую вѣрность своей идеи, съ «плотой» (*grimmig*) рѣшимостью во что бы то ни стало побѣдить и съ повязаннымъ чувствомъ мессіанскихъ задачъ грядущаго нѣмецкаго государства, ихъ головокружительный успѣхъ необъяснимъ.

Для людей, чувствующихъ ту острую тему современности, что именуется «кризисомъ демократіи» и стремящихся обновить и защитить демократическую форму пу-

темъ заполнения ея міросозерцательнымъ исповѣданіемъ нѣкоего сверхполитического смысла исторіи, въ побѣдѣ національ-соціалистической идеократіи надъ буржуазно-демократическимъ интересодержавіемъ, могло бы быть на ряду со всѣмъ страшнымъ и жуткимъ, чѣмъ чревать выборы 14-го сентября и нѣчто положительное, если бы міросозерцаніе національ-соціалистовъ было нѣкой, пусть злой, но все же роковой, въ логикѣ исторіи укорененной идеей. Но въ томъ то и дѣло, что «идея» національ-соціализма вовсе не исторически роковая идея, а произвольная выдумка людей, не чувствующихъ исторического смысла изживаемой нами эпохи. Съ этой точки зрѣнія между коммунизмомъ и національ-соціализмомъ существуетъ очень большая разница. Коммунизмъ и идеологически, и психологически и социальныи волюнѣ понятенъ какъ въ своихъ истокахъ, такъ и въ своихъ устремленіяхъ. Тысячами крѣпкихъ нитей онъ связанъ съ изживаемой нами эпохой: съ безбожіемъ и науковѣріемъ буржуазіи, съ капиталистической формой товаропроизводства, съ головокружительнымъ развитіемъ техники, съ хозяйственнымъ кризисомъ послѣвоенной Европы. При всей практической нелѣпости и преступности коммунистической программы и тактики, коммунистическое міросозерцаніе представляетъ собою весьма точное описаніе душевнаго состоянія значительной части западно-европейскаго пролетаріата. Можно оспаривать его реализуемость, но нельзя отрицать, что онъ реальнъ и психологической и социальной реальностью стоящихъ за нимъ массъ. Это надстройка, у которой безусловно есть свой прочный базисъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ національ-соціализмомъ. Конечно, и онъ — реальность, но реальность совсѣмъ другого порядка. Читая Гитлера не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія какой-то случайно-сложной и лично произвольной философски-политической комбинаціи: Не то чтобы всѣ мысли были безпочвенными выдумками; наоборотъ, — отдѣльные мысли вполне понятны въ своихъ историческихъ истокахъ, но ихъ сплетенія и пересѣченія производятъ впечатлѣніе уже не мысли, а явной выдумки.

Основные положенія національ-соціалистической философіи сводятся къ слѣдующему *): тигръ живетъ съ тигрицей, синица съ синицей, мышъ съ мышью и т. д. Въ случаѣ скрещиванія представителей высшаго вида съ представителемъ низшаго, получаются убогодичныя, неприспособленныя къ жизни, склонныя къ вырожденію существа.

То, что въ животномъ мірѣ представляютъ собою виды, въ человѣческомъ мірѣ представляютъ собою расы.

Судить о томъ, какія расы были изначально носителями культуры — трудно и непродуктивно. Переходя къ современности, можно съ увѣренностью, однако, сказать, что вся современная и памятная намъ культура: искусство, наука, техника — все это почти исключительно результатъ арійскаго творчества. Аріецъ — прототипъ и вершина человѣчества. «Онъ тотъ Прометей, изъ лучезарнаго чела котораго споконъ вѣковъ высѣкаются божественныя искры». Арійцу, какъ высшему типу, противопоставляется еврей, какъ низшій. Смыслъ міровой исторіи въ борьбѣ арійства съ еврействомъ. Аріецъ, спускающійся до «кровосмѣсительства» съ евреемъ, — преступникъ передъ закономъ природы. Но законъ природы — Божій законъ. Кровосмѣсительство есть такимъ образомъ грѣхъ противъ Духа Святого, преступленіе противъ воли Всевышняго. Ибо по образу и подобию Божьему былъ созданъ, конечно, не человѣкъ, а свѣтловолосый, голубоглазый, длинночерепной аріецъ.

Такова христіанско-коннозаводческая метафизика національ-соціализма. Въ своемъ обнаженномъ видѣ она рѣдко выдвигается національ-соціалистами на первый планъ. Расистское **) мышленіе гораздо охотнѣе движется въ плоскости историко-философской и культурно-политической, чѣмъ отвлеченно метафизической. Нельзя сказать, чтобы политическое мышленіе національ-соціалистовъ было много глубже и честнѣе ихъ метафизическихъ построеній. Все же оно настолько конкретнѣе и хватче, что производитъ, какъ часто приходится наблюдать, большое впе-

*) Излагаю главнымъ образомъ по двухтомному труду Гитлера «Mein Kampf». Первый томъ содержитъ политическую автобіографію, второй — ученіе.

**) Ради удобства я иногда называю національ-соціалистовъ расистами, хотя они представляютъ собою только одно изъ теченій расизма.

чатлѣвіе и на тѣхъ людей, что опредѣленно отрицають коннозаводческую метафизику Гитлера.

Само собою разумѣется, что и культурно-философская концепція національ-соціализма представляет собою сплошную семитологию. Не стѣсняясь никакими преувеличеніями и искаженіями, ловко пользуясь безспорными фактами, что, во-первыхъ, еврейство сыграло громадную роль въ созданіи и укрѣпленіи социалистическаго ученія, что лучшія нѣмецкія буржуазныя газеты, поддерживающія социаль-демократію, редактируются нѣмецкими евреями и что очень большой процентъ финансоваго капитала находится въ еврейскихъ рукахъ, національ-соціалисты строятъ свое центральное ученіе о сознательномъ и глубоко продуманномъ сотрудничествѣ еврейскаго капитала и еврейскаго марксизма; стальныхъ банковыхъ камеръ, обирающихъ нѣмецкій народъ, и стального шага международнаго пролетаріата, разжигаемаго марксистскими прокламаціями.

Капитализмъ и марксизмъ борются другъ съ другомъ только для видимости, съ цѣлью обмануть притупленный инстинктъ семитизированнаго арійства. На самомъ же дѣлѣ редакторъ любой марксистской газеты всегда окажется двоюроднымъ братомъ того промышленника или банкира, противъ котораго его листокъ ведетъ свою бѣшеную травлю. Въ случаѣ краха революціи — редакторъ переѣдетъ къ банкиру; въ случаѣ побѣды революціи — редакторъ спасетъ капиталы банкира. И это вполне понятно, ибо глубинная борьба идетъ въ мірѣ не между трудомъ и капиталомъ (эту очень убѣдительную теорію создали евреи для отвода глазъ), а между расами. Въ какомъ бы лагерѣ политическомъ и хозяйственномъ ни стоялъ еврей, онъ въ послѣднемъ счетѣ стоитъ въ одномъ и томъ же лагерѣ: борется за міровую гегемонію еврейства.

Изъ этого историко-философскаго лубка вырастаетъ вся политическая концепція національ-соціализма. Главная цѣль — борьба противъ двуединого зла: капитализма и марксизма, за двуединую истину — національ-соціализма.

Что національ-соціалисты подразумѣваютъ подъ націонализмомъ — вполне ясно. Нація есть государственная народность. Задача нѣмецкаго государства — блюсти арійскую чистоту нѣмецкой народности. Мистика національ-

соціалистическаго государства — это прежде всего биологическій мессіаниззмъ.

Отсюда цѣлая система государственнаго наблюденія за процессомъ размноженія. Запретъ размноженія для больныхъ, запретъ смѣшанныхъ браковъ, развитіе культа тѣла, мистическаго ощущенія своей крови.

Дабы все это было осуществимо, національ-соціалисты проводятъ принципиальное различіе между гражданами и подданными (Staatsbürger und Staatsangehörige). Рождаются всѣ только подданными. Инокровные остаются навсегда. Государство всячески оберегаетъ ихъ справедливые интересы, но лишаетъ ихъ какъ активнаго, такъ и пассивнаго выборнаго права. Своекровные же въ 19 лѣтъ присягаютъ государству и народу, клянутся блюсти чистоту своей крови. Эта клятва превращаетъ ихъ изъ подданныхъ въ гражданъ.

Таковы наиболѣе существенныя черты національ-соціалистическаго ученія о государствѣ. Надо признаться, что при всей своей дикости они очень точно опредѣляютъ сущность расистскаго націонализма.

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ расистскимъ социализмомъ. Сложность этого вопроса заключается въ томъ, что поскольку ученіе о націи-расѣ, о націи-племени опредѣленно и слінообразно развивается всѣми національ-соціалистами, постольку многообразно и разномысленно звучитъ у нихъ тема социализма. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что по линіи истолкованія социализма расизму придется пережить много бурь, а можетъ быть и расколовъ. Читая Гитлера опредѣленно чувствуешь, что онъ психологически фашистъ, т. е. человѣкъ соблазненный, «безуміемъ цезаризма» *). Читая Геббельса не сомнѣваешься, что онъ антисемитъ; спрашиваешь себя, — не коммунистъ-ли онъ? Но ясно чувствуешь, что онъ не фашистъ. Несмотря на то, что онъ все время съ изступленіемъ и восторгомъ привѣтствуетъ «нашего Гитлера», во многихъ его словахъ и оборотахъ слышится нѣчто враждебное гитлеріанству. Ему ясно, напримѣръ, что «идеи интернаціональны», національны-же только ихъ воплощенія. Онъ утверждаетъ и привѣтствуетъ «міровую идею»

*) Выраженіе виднаго нац.-соц. Д-ра Геббельса, автора многихъ брошюръ. Всѣ дальнѣйшія цитаты взяты изъ его книжечки: «Die zweite Revolution»

соціализма. Онъ съ подлиннымъ гнѣвомъ отвергаетъ «катаклическую безсмыслицу реакціоннаго цезаризма» и съ пролетарскимъ наѣсомъ утверждаетъ «диктатуру социалистической идеи» въ государствѣ будущаго. Какъ и Гитлеръ, онъ кровно ненавидитъ «ноябрьскихъ преступниковъ» (соц.-демократію). Но въ то время, какъ Гитлеръ ненавидитъ ихъ за предательство славы нѣмецкаго оружія, Геббельсъ обрушивается на нихъ за то, что они не провели по большевицкому рецепту социализаціи. Съ подлинно пролетарской озлобленностью говоритъ онъ о двусторонности классовой борьбы. Все это тона, которыхъ у Гитлера нѣтъ.

Это расхожденіе намѣчаетъ двѣ совершенно разныя политическія линіи по отношенію къ Россіи. Гитлеръ опредѣленный врагъ Россіи (не только Совѣтовъ, а и самой Россіи), врагъ Бисмарковской мысли союза съ ней. По его мнѣнію, Россія осуждена на гибель. Военный союзъ (другихъ союзовъ Гитлеръ не признаетъ) съ на смерть больной страной — верхъ безсмыслицы. Ни въ какое строительство большевиковъ Гитлеръ не вѣритъ. «Россія не построила еще ни одного мало-мальски годнаго автомобиля. Онъ подробно анализируетъ возможность русско-германской войны противъ Франціи и ея союзниковъ и заключаетъ этотъ анализъ вполнѣ односмысленнымъ утвержденіемъ «такая война была бы окончательной гибелью Германіи». Близкой нѣкоторымъ націоналистическимъ кругамъ идеѣ союза съ Россіей, Гитлеръ противопоставляетъ союзъ съ Англіей, въ незаходящую звѣзду которой (въ качествѣ міровой державы) онъ твердо вѣритъ, а также союзъ съ фашистской Италіей. Онъ опредѣленно заявляетъ, что «національ-соціалисты ставятъ крестъ надъ предвоенной внѣшней политикой Германіи и продолжаютъ ту линію, которая оборвалась шестьсотъ лѣтъ тому назадъ». «Германіи незачѣмъ стремиться на югъ и на западъ. Надо повернуть взоры на землѣ и востока». Предвоенной колониальной и торговой политикѣ Вильгельма II національ-соціализмъ противопоставляетъ въ лицѣ Гитлера новую земельную политику. Это означаетъ распространеніе германской территоріи за счетъ умирающей Россіи. Распространенію этому Россія, по мнѣнію Гитлера, не сможетъ противопоставить ни силы, ни воли. Великая довоенная Россія была вѣдь создана не славянами, а германцами (варяги, балтійцы, нѣмецкая династія). Германскій пр.

вѣщій слой разложился и сдалъ свои позиціи еврейству. Но «еврейство сильно только силою разложенія, а не созидація». Растлѣнная еврействомъ Россія не сможетъ по-мѣшать Германіи занять нужные ей просторы. Миссія національ-соціалистовъ — миролюбиво поучаетъ Гитлеръ — погасить въ подрастающемъ поколѣніи хмельную мечту новаго Македонскаго похода и внушить ему, что великое будущее Германіи таится въ прилежномъ трудѣ нѣмецкаго плуга, которому мечъ долженъ всего только предоставить нужную землю. «Разсчетъ» съ Франціей остается, конечно, и для Гитлера роковой необходимостью нѣмецкой политики. Но это музыка будущаго. «Националь-соціалисты сознательные враги вульгарнаго ура-націонализма». Этимъ, «мирнымъ» страницамъ противостоятъ, впрочемъ, и весьма иные.

Въ главѣ, посвященной Версалю, Гитлеръ мечтаетъ о томъ, что несправедливость договора обернется скоро ничѣмъ не заглушимымъ требованіемъ всей Германіи: «мы хотимъ снова быть вооруженными». Онъ молится: «Всемогущій Господь, благослови наше оружіе; будь справедливъ, какимъ Ты былъ всегда; разсуди насъ; неужели мы не заслуживаемъ свободы. Господи, благослови нашу борьбу!» На вопросъ, не противорѣчитъ-ли эта молитва гимну пахаря, Гитлеръ, конечно, отвѣтитъ — нѣтъ: беззаботно пахать землю можетъ, по теоріи воинствующаго патріотизма, только тотъ народъ, трудъ котораго охраняется мечомъ.

Совсѣмъ иное отношеніе къ Совѣтской Россіи и Россіи вообще звучитъ у Геббельса. Въ письмѣ, адресованномъ къ другу слѣва (изъ контекста письма выясняется, что къ коммунисту), Геббельсъ пишетъ: «ни одинъ царь еще не понималъ русскій народъ въ его глубинѣ, въ его страстяхъ, въ его національныхъ инстинктахъ такъ глубоко, какъ Ленинъ. Онъ далъ русскому крестьянину то, о чемъ этотъ крестьянинъ споконъ вѣковъ мечталъ: свободу и землю. Этимъ онъ превратилъ русскаго крестьянина въ подлиннаго носителя новой системы» Геббельсъ отзывается «вступать въ хоръ буржуазныхъ лжецовъ и невѣждъ, утверждающихъ, что большевизмъ стоитъ передъ крушеніемъ». Наоборотъ, Россія сейчасъ сильна и творчески напряжена, какъ никогда. На каждомъ совѣтскомъ рублѣ, работающемъ на коммунистическую партію, написано «не коммунизмъ, а Россія». Совѣтская Россія, по мнѣ-

нію Геббельса, потому только и поддерживаетъ сейчасъ нѣмецкій коммунизмъ, что правильно предчувствуетъ: этотъ антидемократическій социализмъ, преодолевъ въ себѣ ложь еврейскаго интернаціонализма, первый поддержитъ національную волю большевицкаго великодержавія.

Кончается письмо неожиданнымъ въ устахъ національ-соціалиста признаніемъ, что «хотя коммунисты и борятся съ національ-соціалистами, они другъ другу все-же не враги». Совѣтская Россія самою судьбою намѣчена въ союзицы Германіи въ ея страстной борьбѣ съ дьявольскимъ смрадомъ разлагающагося Запада. Кратчайшій путь національ-соціализма въ царство свободы ведетъ черезъ Совѣтскую Россію, въ которой «еврейское ученіе Карла Маркса» уже давно принесено въ жертву красному империализму, новой формѣ исконнаго русскаго «панславизма».

Таковъ второй вариантъ національ-соціалистскаго отношенія къ Совѣтской Россіи. Если бы этотъ второй, Геббельскій, вариантъ побѣдилъ Гитлеровскій, то не видно, что могло-бы помѣшать расистамъ искать самаго тѣснаго сближенія съ большевиками. О томъ, могли-ли бы они разсчитывать на взаимность, я сейчасъ не говорю. Это вопросъ очень темный и сложный. Но вернемся къ нашему вопросу: въ чемъ сущность расистскаго социализма? Какъ это ни странно — въ отождествленіи духа подлиннаго социализма съ духомъ прусской государственности. Мысль эта принадлежитъ, впрочемъ, не Гитлеру (у него вообще мало своихъ мыслей), а Освальду Шпенглеру. Развита она была знаменитымъ авторомъ «Заката Европы» въ небольшой брошюрѣ «Пруссія и социализмъ». Торганескому духу индивидуалистически-безгосударственнаго англійскаго общества Шпенглеръ противопоставляетъ идею прусской государственности основанной «на работѣ, долгѣ и службѣ».

Сущность подлиннаго социализма сводится Шпенглеромъ къ борьбѣ противъ хозяйственнаго индивидуализма. Всякій гражданинъ, начиная съ монарха и кончая послѣднимъ чернорабочимъ, начиная съ главы крупнѣйшаго предприятия и кончая мелкими ремесленниками, долженъ работать не на себя, а на органическое цѣлое національнаго государства. Крайности богатства и бѣдности должны быть уничтожены, замѣнены природно обусловленными различіями въ работоспособности отдѣльныхъ лицъ. Прусскій государственный социализмъ погибъ, пре-

давъ свою систему торгашескому духу манчестерства. Германія возродится на путяхъ возврата къ социализму прусскаго образца, не знающаго ни идеи классовой борьбы, ни идеи интернаціонала. Все дѣло въ борьбѣ противъ «тираніи процента» («Zinsknechtschaft»), въ борьбѣ за трудъ, все равно — физическій или духовный, какъ единственную основу государственнаго хозяйствованія.

Такова въ краткихъ чертахъ идеологія нѣмецкой національ-соціалистической рабочей партіи. Какова же ея социальная природа?

И не будучи марксистомъ, нельзя не видѣть, что идеи, въ особенности политическія, пробиваютъ себѣ дорогу въ жизнь только при условіи ихъ органической связи съ опредѣленными социальными слоями. Спрашивается: какіе социальные слои обслуживаетъ національ-соціалистическая идеологія. Кто по своему социальному положенію тѣ 6.400.000 людей, которые подали свои голоса за расистовъ? Какіе личные, хозяйственно-жизненныя интересы защищали они 14-го сентября? Отвѣчая на этотъ вопросъ, де Маннъ, Вальтеръ Маннценъ и др. изслѣдователи національ-соціализма, опредѣляютъ партію національ-соціалистовъ какъ партію мелкой буржуазіи. Опредѣленіе это вѣрно, но, думается, недостаточно и односторонне. Безусловно мелкобуржуазный слой представляетъ собою основную массу партіи. Все-же главная сила національ-соціалистовъ въ томъ, что они по разному выражаютъ весьма разные интересы весьма разныхъ социальныхъ слоевъ.

Въ первую очередь за національ-соціалистовъ голосовали слабосильные ремесленники, мелкіе торговцы, тихіе кустари, служашіе, т. е. всѣ тѣ хозяйственные остатки дскапиталистической эпохи, которые, банкротясь и лишаясь мѣсть, неудержимо скатываются въ ненавистныя имъ низины пролетарскаго быта. Националь-соціалистическая проповѣдь убѣдительна для этихъ социальныхъ слоевъ съ одной стороны, какъ проповѣдь противъ акціонерныхъ обществъ, все новыхъ и новыхъ машинъ, дороговизны современной рекламы, роскоши торговыхъ помѣщеній и т. д.; съ другой, какъ проповѣдь противъ очень дорогой социальной политики марксистской демократіи, опутывающей мелкаго ремесленника и предпринимателя крѣпкою сѣтью

обязательствъ по отношенію къ подмастерьямъ и служащимъ.

Второй социальный слой, голосовавшій за національ-соціалистовъ — крестьяне.

Уничтоживъ всё командныя высоты довоеннаго феодализма, отказавшись отъ принципиальной защиты интересовъ земельныхъ собственниковъ (путемъ покровительственной пошлины и податной системы) по-революціонная республика поставила какъ вельможныхъ, такъ и простонародныхъ землеробовъ въ очень трудное положеніе. Выбираются изъ этого положенія лишь тѣ хозяйства, которыя переходятъ къ капиталистической формѣ земледобработки и сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Малосильные крестьяне въ этой переустройкѣ затираются, должны банкамъ и встрѣчаясь въ такую тяжелую минуту съ феодально-патріархальной проповѣдью національ-соціалистовъ естественно становятся заклятыми врагами капитализма и еврейства.

Третій контингентъ національ-соціалистическихъ избирателей — мелкіе служащіе и тѣ деклассированные рабочіе, которые, наскучивъ дальнимъ прицѣломъ социаль-демократическаго реформизма и разочаровавшись въ немедленности социальной революціи, стихійно и безсознательно отдались новой надеждѣ на спасеніе, надеждѣ на «вторую революцію» и «третье царство» національ-соціалистовъ.

За всею этою разношерстною массой мелкой буржуазіи стоитъ, однако, въ качествѣ главной базы національ-соціализма классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, не прощающихъ республикѣ гнуснаго предательства феодальныхъ формъ германской государственности разнузданности международнаго капитализма.

Реальность этой связи съ рѣдкою отчетливостью вскрываетъ Гитлеровская теорія «міровой державы», органически связанная съ разсмотрѣнною выше русской политикой. По мнѣнію Гитлера, «міровой» всякая держава становится не въ силу своей военной мощи и не въ силу господства своей промышленности на міровомъ рынкѣ, а исключительно въ силу «правильнаго, нормальнаго взаимоотношенія количества земли и народонаселенія». Если бы Германія снова воссоздала свою армію, — все равно, великою державою она не стала бы. «Volk ohne Raum» (на-

родь безъ простора) – великой, міровой державой быть не можетъ. Отсюда и выростаетъ уже упомянутая задача новой земельной политики, стремящейся къ «міродержавности» Германіи. Ясно, что эта идеологія является прямымъ выраженіемъ земельно феодальныхъ вожделѣній нѣмецкихъ аграріевъ. Карта выборовъ 14-го сентября вполне подтверждаетъ это соціологическое соображеніе.

Итакъ, соціальной базой національ-соціализма является весьма пестрый союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ, малосильныхъ крестьянъ, мелкой городской буржуазіи, мелкихъ служащихъ и случайныхъ массъ деклассированнаго пролетаріата. Главными же врагами національ-соціализма надо считать двѣ другъ другу враждебныхъ силы, крупный капиталъ и организованную соціаль демократію.

Но такъ отчетливо дѣло обстоитъ въ сущности только съ точки зрѣнія статистики національ-соціалистической программы. Нац.-соціалистическая тактика весьма искусно преодолеваетъ ограниченность соціальной базы своей партіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крупныя средства, которыми располагаетъ національ-соціалистическая партія, имѣютъ своимъ источникомъ не только добровольные взносы членовъ партіи и сборы съ многочисленныхъ собраній и митинговъ, какъ то думаютъ боевые генералы стараго закала и равнодушныя къ національ-соціалистамъ офицерскія вдовы, но и матеріализованное сочувствіе весьма крупной промышленной буржуазіи.

Слѣдственный комитетъ баварскаго ландтага, занимавшийся въ 22/23 году національ-соціалистами въ связи съ ихъ сорвавшимся походомъ на Берлинъ, установилъ три источника партійныхъ средствъ: 1) нейтральныя государственства *), 2) прекрасныя женщины и 3) тяжелая промышленность. Теоретической базой возможности національ-соціалистической аппеляціи къ капиталу является весьма смѣлое, но въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства 20-го вѣка и весьма фантастическое раздѣленіе капитала на сзидательный, промышленный (онъ же и германскій) и на хищнической, банковый (онъ же и еврейскій), подлежащій немедленной конфискаціи, по приходѣ нац.-соціали-

*) Комитету удалось установить, что жалованье гитлеровскимъ офицерамъ выплачивалось въ 23 г. въ швейцарскихъ франкахъ. Нац.-соц. удалось убѣдить швейцарскую буржуазію въ томъ, что вѣдь нац.-соціализма Германіи нѣтъ спасенія отъ большевизма

стовъ къ власти. Не сомнѣваясь въ искренности нац.-соціалистической вѣры въ свои теоріи, я все-же весьма сомнѣваюсь въ томъ, что крупная буржуазія давала расистамъ деньги въ расчетѣ на то, что расистское правительство, націонализировавъ банки, будетъ оказывать фабрикамъ безпроцентный кредитъ. Ясно, что деньги давались въ расчетѣ на національ-соціалистическую помощь въ борьбѣ капитала противъ «марксистскихъ силъ», т. е. по просту говоря, — противъ рабочаго класса. Такова въ общихъ чертахъ соціальная природа національ-соціалистической партіи.

Представляя собою національ-соціализмъ всего только охарактеризованную партію, его побѣда была бы непонятна. Но въ томъ то и дѣло, что національ-соціализмъ не только реакціонная партія, но и очень сложное идейно-психологическое теченіе, вылившееся — въ этомъ его особенность, — въ своеобразную форму военной организаціи.

Первая глава второго тома «Автобіографіи» Гитлера озаглавлена: «Міросозерцаніе и партія». Въ рѣчахъ Гитлера и другихъ вождей также постоянно встрѣчается все то же основное требованіе міросозерцательнаго обоснованія политической борьбы. Я уже отмѣчалъ, что побѣда національ-соціализма въ первую очередь означаетъ побѣду міросозерцательнаго теченія надъ интересократіей. Вѣрность этого положенія кажется мнѣ совершенно безспорною; но безспорность эта становится понятной только при выясненіи себѣ того обстоятельства, что міросозерцаніе, вѣрнѣе быть можетъ міроощущеніе національ-соціализма гораздо сложнѣе, неопредѣленнѣе, тоньше и глубже, чѣмъ тотъ идеологическій лубокъ и та основанная на немъ программа, о которыхъ рѣчь шла выше.

Вальтеръ Манницъ *) безусловно правъ, подчеркивая, что идеологически-программную вульгарность національ-соціалистической публицистики надо отличать отъ зачастую гораздо болѣе глубокихъ теорій, стоящихъ за нею. Я лично знаю большое количество людей очень умныхъ, очень тонкихъ и высоко образованныхъ, которые подъ міросозерцаніемъ Гитлера никогда не подписались бы.

*) «Neue Blätter für den Sozialismus». 8 Heft. 1930.

какъ подъ своимъ собственнымъ, но которые все же под-писываются подъ нимъ какъ передъ тѣмъ «необходимымъ упрощеніемъ» ихъ собственнаго міросозерцанія, безъ котораго невозможно привлеченіе на его сторону широкихъ и активныхъ массъ.

Въ октябрѣ, въ Берлинѣ, на съѣздѣ нѣмецкаго социологическаго общества я прослушалъ два реферата и двухдневныя пренія объ общественномъ мнѣніи, свободѣ печати и о тому подобныхъ вопросахъ. Конечно, я говорилъ въ связи съ этими темами и еще свѣжими въ памяти выборами со многими видными представителями германской науки о національ-соціалистахъ. Долженъ сказать, я былъ очень пораженъ тѣми національ-соціалистическими нотами, которыя скрыто звучали не только въ рефератѣ гейдельбергскаго профессора фонъ Эккардта, выступившаго большую книжку о Россіи *), и въ «словѣ» знаменитаго берлинскаго юриста Карла Шмидта, но главнымъ образомъ во многихъ частныхъ бесѣдахъ. Въ этихъ бесѣдахъ мнѣ выяснилось, что черезъ безотвѣтственно измышленный революціонный примитивъ національ-соціализма силится пробиться въ жизнь гораздо болѣе сложныя, въ своемъ истокѣ гораздо болѣе благородныя мысли и настроенія. И дѣйствительно, при желаніи и нѣкоторомъ мужествѣ Гилера можно идеологически связать и съ основателемъ теоріи прусскаго консерватизма Шталемъ **) и съ вѣнскимъ философомъ, социологомъ и экономистомъ Отомаръ-Шпаномъ, любимымъ, къ слову сказать, теоретикомъ русскихъ національ-соціалистовъ — раннихъ евразійцевъ и даже съ ученіемъ о государствѣ гегельянца Фрейера. Дѣйствительно, всѣ наиболѣе существенныя положенія Штала-Шпана въ весьма упрощенномъ и сниженномъ видѣ встрѣчаются и у національ-соціалистовъ. Такъ, прежде всего, защита органической теоріи государства противъ механической. Требованіе, чтобы какъ интересы отдельныхъ гражданъ, такъ и интересы всѣхъ хозяйственныхъ корпорацій безоговорочно подчинялись государству, мыслимому въ формѣ реально-коллективной личности (reale Verbandsperson), высшимъ атрибутомъ которой является власть и авторитетъ. Старо-консервативному

*) Hans von Eckardt «Russland». Leipzig, 1930.

**) Интересно, что Шгаль по происхожденію еврей Фамилію «Шгаль» онъ принялъ при крещеніи

принципу «*Autorität, nicht Majorität*» соответствует у националь-социалистов положение: «диктатура — не парламентаризм», причем речь идет о диктатуре личности, а не партии или класса.

Кроме государственников-романтиков на националь-социалистов оказал безусловное влияние и Ницше, впрочем то атмосферическое ницшеанство, которое сейчас возрождается в Германии. Правда, Ницше был врагом всякой расистской «ерунды и выдумки», но все же в его идеале сверхчеловѣка своеобразно перекликающемся с проходящим через ряд его писаний образом «свѣтловолосяй бестии» и ведущем свое начало от идеи дарвинизма (теорія подбора) нельзя не узнать прообраза цѣря вселенной: «чистаго арийца» националь-социалистической концепции. Еще яснѣе связь по другой, не столько теоретической, сколько моралистической линіи. Какъ и Ницше, националь-социалисты враги всякаго морализма. Какъ и Ницше, они чувствуют себя стоящими по ту сторону добра и зла и приветствуют все положительное, жизнь утверждающіе аффекты Ницше: гордость, радость, здоровье, любовь половъ, вражду и войну, благоговѣніе, прекрасный жестъ, сильную волю, волю къ власти, вѣрность землѣ и жизни. Какъ и Ницше, националь-социалисты, правда в рѣзкомъ несоответствіи со своею собственною мелко-буржуазною социальною базой, страстные враги духовнаго и бытового мѣщанства. Эта противоположность между героикою националь-социалистической идеологіи и мѣщанскими настроеніями объединяемых ими социальныхъ слоев отчетливо сознается нѣкоторыми вождями националь-социализма. Подобно Ленину, неустанно боровшемуся со шкурникомъ въ рядахъ коммунистической партии, борется, напримеръ, Геббельсъ съ сырымъ обывателемъ въ расистскихъ рядахъ.

«Откуда. — спрашиваетъ онъ, — наша безконечная ненависть къ буржуазности нашей эпохи?» и отвѣчаетъ: «мы ненавидимъ въ современной буржуазности то мѣщанство, которымъ природа надѣлила всехъ подлинныхъ мѣщанъ. Какъ мы ни стараемся, мы все еще не можемъ преодолѣть буржуа. Онъ всюду среди насъ, вѣчно привередливый, всеми недовольный, горластый типъ. безъ вѣры, безъ идеала. Ему нравится нашъ радикализмъ, но лишь постольку, поскольку онъ не мѣшаетъ здоровью и торговлѣ. Онъ рушаетъ вмѣстѣ съ нами все гнусные порядки, но лишь ве-

черомъ, подвыливъ и зная твердо, что его не услышать тѣ, которымъ не надо знать, что онъ съ нами. Во всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ мѣстахъ онъ малюетъ наши черные кресты и подписываетъ подъ ними «Германія, проснись». Онъ сентименталенъ и любитъ хвастаться тѣмъ, что «принадлежалъ къ движенію» еще до войны, когда нынѣшніе вожди, зеленая молодежь, еще и не появлялась на горизонтѣ». Эта характеристика стариковъ-мѣщантъ, рыхлыхъ, безвольныхъ, политиканствующихъ крикуновъ очень вѣрна. Ее легко было бы распространить на всѣ примазавшіеся къ расистамъ круги мѣщанскаго общества. Вѣрна она прежде всего въ своей аппелляціи къ молодежи, какъ къ единственно прочной опорѣ національ-соціализма. Думаю, что въ успѣхѣ нац.-соціализма молодежь сыграла главную роль. Даже больше: она его подготовила. Для выясненія этого вопроса необходимо связать національ-соціализмъ съ тѣмъ очень интереснымъ, религіозно-правственнымъ и культурно-политическимъ движеніемъ «Jugendbewegung», которое захватило нѣмецкую молодежь еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

На первый взглядъ глубоко духовное по своимъ истокамъ и иѣляемъ «младодвиженіе» такъ же далеко отъ расистской улицы, какъ далеко отъ нея и геніально утонченный Ничше. Но въ томъ то и дѣло (національ-соціализмъ можно считать школьнымъ примѣромъ этой истины), что всякій, самый послѣдній уличный чертъ побѣждаетъ только въ качествѣ Люцифера, т. е. падшаго ангела. Если бы у національ-соціалистическаго черта не было своего ангела, онъ былъ бы совершенно безсиленъ.

Какъ Ничше, будучи врагомъ расизма, все-таки влился въ расистское движеніе, такъ и нѣмецкое «младодвиженіе», выросшее на отрипаніи всяческихъ авторитетовъ, влилось въ авторитарное движеніе національ-соціалистовъ. Я не могу подробно останавливаться на нѣмецкомъ младодвиженіи, начавшемся въ самомъ концѣ 19-го вѣка. Его двигателемъ было отчужденіе отъ стараго поколѣнія отцовъ и учителей и стремленіе къ новой, духовно болѣе реальной, душевно болѣе искренней, физически болѣе здоровой, природной, національно болѣе бытовой и живописной жизни. Началось оно въ Штеглицѣ подъ Берлиномъ, но быстро перекинулось и въ соціалистически-прелеатарскую среду. Несмотря на то, что съ одной стороны вѣроисповѣдныя, а съ другой стороны партійныя органи-

заціи пытались использовать младодвиженіе въ интересахъ культурныхъ формъ и теченій стараго міра, оно въ общемъ и цѣломъ осталось движеніемъ культурническимъ и этически реформистскимъ, чуждымъ конфессіональной узости и партійной нетерпимости. Центръ младодвиженія былъ не въ ученіи, а въ выработкѣ новыхъ формъ жизни и общенія. Главнымъ врагомъ ощущался 'бездушный индивидуализмъ буржуазнаго общества. Чванство и лицемеріе гостинныхъ, хамство конторъ и канцелярій, притворный интересъ ко всему высокому и прекрасному, безразличный морализмъ въ отношеніи между полами, одинаково крѣпкая вѣра въ красоту дѣвичьяго стыда и общественно гигиеническаго значенія проституціи. Къ этимъ моральнымъ мотивамъ присоединялось отталкиваніе отъ «удручающей безстыдности партійно-политической жизни», отъ городской цивилизаціи, отъ духовной непитательности школьнаго образованія, отъ лживости господствующихъ культурныхъ цѣнностей. Слившись воедино, всѣ эти чувства образовали въ нѣмецкомъ младодвиженіи нѣкое сложное, во многомъ очень родственное ранней романтикѣ ощущеніе нѣкоего кануна новой эпохи. Цѣлыми стаями стали слетаться мальчишки и дѣвочки въ возрастѣ отъ 14-20 лѣтъ на городскія вокзальныя площади и разбредаться по рѣчкамъ, лѣсамъ и замкамъ заново обрѣтенной ими вѣчной природы и древней родины. Шли эти странныя толпы въ какихъ-то особыхъ антибуржуазныхъ костюмахъ (напоминающихъ форму желторубашечниковъ съ голыми шеями, со знаменами и штандартами, съ мандолинами и гитарами, со старинными народными пѣснями и плясками, съ лютой реформистской ненавистью къ оставленному городу, кинематографу, пыльной тащувкѣ и всякой иной разлагающей жи. Въ душахъ у всѣхъ горѣлъ обѣтъ — «творить новую жизнь подъ знакомъ личной отвѣтственности въ свободѣ и правдѣ». На этихъ странствіяхъ (не путешествіяхъ) принципиально аскетическихъ (часто безъ вина, безъ курева) завязывались знакомства съ простымъ народомъ, съ крестьянами, рѣже съ рабочими. На ночныхъ засидкахъ вокругъ костра обсуждались всѣ міровые вопросы: Богъ, родина, общество, любовь, но всѣ эти вопросы сливались въ одинъ - о новомъ человѣкѣ и новомъ органическомъ внутреннемъ взаимоотноеніи между людьми (Gemeinschaft). Изъ этихъ разговоровъ начали постепенно выкристаллизовываться новыя

формы общенія, часто связанныя съ нѣсколькими фантастическими представленіями о германскомъ средневѣковѣ. Постепенно дружескіе кружки стали слагаться въ союзы-содружества; во главу этихъ содружествъ стали выдвигаться вожди. Между вождемъ безъ выборовъ выбраннымъ и кругомъ друзей начали образовываться сложныя и своеобразныя отношенія. Вождь и наставникъ превращался въ друга и исповѣдника. Развитие шло съ одной стороны по линіи духовно орденской, съ другой — спортивно-воѣнной, захватывая все болѣе и болѣе широкіе слои нѣмецкой молодежи. Разразившаяся война, закончившаяся революціей, не могла, конечно, не отразиться и на движеніи нѣмецкой молодежи. Насколько сильно и почвенно было это движеніе доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что событія 1914-18 г. г. отнюдь не смели его. Наоборотъ, обогатившись военно-революціоннымъ опытомъ, оно разлилось по всей Германіи и явно окрасило своей мыслью и волей культурную и политическую жизнь молодой республики. Безконечно осложнивъ младодвиженіе, война прежде всего развела его членовъ по тремъ разнымъ дорогамъ. Часть молодежи ушла въ религію, избрала ту внутреннюю линію, которую въ русскомъ движеніи принято называть исповѣдничествомъ. Другая страстно ринулась на защиту новой республики: — ушла въ социализмъ и, къ сожалѣнію, быстро подпала подъ вліяніе старшаго поколѣнія и его партійныхъ органовъ. Младосоціалисты (Jungsozialisten) съ трудомъ отстаиваютъ свою самостоятельность; лучшіе нѣмецкіе социалистическіе и коммунистическіе поэты и писатели издаются буржуазными издателями. Третьимъ путемъ энергично пошла національно настроенная буржуазная молодежь, создавшая сразу же послѣ войны союзъ младонѣмцевъ и сформулировавшая уже въ 1919 г. основные пункты своего міросозерцанія. Ядро младонѣмецкихъ организацій составилось изъ людей, которые пошли на войну зрѣлыми и сознательными членами первыхъ младодвиженческихъ организацій, людей, влюбленныхъ въ родину, но равнодушныхъ къ монархіи, людей, исполненныхъ пророческаго чаянія о преобразеніи народной жизни и враждебныхъ буржуазному оцѣпенѣнію, людей братски объединенныхъ вокругъ вольно избраннаго вождя, людей, не лишенныхъ романтической фантастики, но все же и исполненныхъ религіозно-этической серьезности. Война не разрушила ихъ, а, наобо-

ротъ, закалила; въ окопахъ обрѣли они вѣру въ реальность внѣклассовой, общенародной солидарности. Въ ночныхъ атакахъ они научились не опускать глазъ передъ судьбой; умирать — но не сдаваться. Слова о «жертвенной смерти», о «гениі войны» — не превратились для нихъ въ пустыя фразы. Отнюдь не тяготѣя къ старому, не сумѣвшему организовать защиту родины, они, вернувшись съ фронта, не приняли однако и революціи; не столько какъ новаго политическаго строя, сколько какъ тыловой психологіи, какъ отказа отъ тяжелой судьбы: «не желаемъ больше терпѣть». Что младодвиженцы фронтовики были настроены именно такъ, доказываетъ то обстоятельство, что они первыми откликнулись на призывъ правительства Эберта-Шейдеманна оказать вооруженный отпоръ коммунистамъ-спартаковцамъ. Республика, пожелавшая защитить единство нѣмецкаго народа отъ партійнаго сепаратизма, обрѣла въ младодвиженцахъ-фронтовикахъ наиболѣе активныхъ республиканцевъ. Но это единодушіе скоро распалось. По цѣлому ряду причинъ, анализъ которыхъ завелъ бы меня слишкомъ далеко, развитіе младодвиженцевъ фронтовиковъ пошло по линіи все нарастающей враждебности къ республиканско-демократической Германіи. Сущность этой враждебности надо искать не въ различіи политическихъ программъ, а въ различіи душевныхъ укладовъ и настроеній. Въ то время, какъ республиканско-демократическая Германія зачитывалась Ремаркомъ, младодвиженецъ-фронтовикъ съ «праведнымъ гнѣвомъ» отвергалъ эту «хвалу на Духа Святого». Не то, чтобы онъ жаждалъ новой войны; нѣтъ, но его возмущало то, что борьба противъ возможности новой войны не гнушается никакими средствами, вплоть до заушенія солдатской доблести и національной чести. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что среди толпы, требовавшихъ запрещенія фильма Ремарка, было очень много младодвиженцевъ-фронтовиковъ. Утвержденіе большей части лѣвой нѣмецкой прессы, что противъ Ремарка горланила только «улица», конечно, не вѣрно. Улица — улицей; во всемъ, что происходитъ на улицѣ есть всегда доля «улицы». Но кромѣ того въ этомъ протестѣ была и святая святыхъ вѣчной памяти жертвамъ войны. Надо жить въ Германіи, чтобы видѣть до чего страстна и напряженна сейчасъ въ ней борьба между людьми готовыми предать метафизику войны — политикѣ и людьми, требующими отъ всякой политики за-

щиты метафизики войны, между людьми. для которыхъ война безсмысленная бойня и людьми, для которыхъ она, если и не Судь Божій - то все же великая и глубокая историческая судьба *).

Тутъ коренится и расхождение націоналистической молодежи съ республикой. Программа этой молодежи мало продумана и даже путана, но въ своихъ инстинктахъ очень опредѣленна и тверда. Уже въ 1919 г. на съѣздѣ въ Лауенштейнѣ авангардъ этой молодежи установилъ въ лицѣ союза «м л а д о н ѣ м ц е в ѣ» рядъ положеній, которыя были вполнѣ приняты и разными другими національными организациями вплоть до «нѣмецкой національно-соціалистической рабочей партіи». Эти положенія суть: 1) борьба противъ порожденной революціей партійно-демократической государственности; 2) стремленіе къ преодолѣнію классовой розни въ пользу сверхклассоваго народно-національнаго единства (*wahre Volksgemeinschaft*); 3) созданіе «велико-германскаго», основаннаго на народно-племенномъ единствѣ государства со включеніемъ въ него австрійскихъ и судетскихъ нѣмцевъ; 4) преодоленіе розни между католиками и протестантами, единая народная церковь **).

Если въ нѣкоторыхъ университетахъ сейчасъ насчитывается до 80-90% національ-соціалистовъ, то причину этого надо искать не во вліяніи Гитлера на нѣмецкую академическую молодежь, а въ томъ, что политически-конкретный активизмъ національ-соціалистической партіи внѣшне оформилъ рѣзко антибуржуазныя, національно-героическія настроенія нѣмецкаго пореволюціоннаго младодвиженства. Не Гитлеръ создалъ, такимъ образомъ, національ-соціалистическое теченіе среди нѣмецкой академической молодежи, а, наоборотъ: — своеобразное національ-народничество нѣмецкаго младодвиженства было одною изъ наиболѣе духовныхъ и благородныхъ силъ, способство-

*) Быть можетъ самый болѣзненный узелъ нѣмецкой трагедіи заключается въ томъ, что метафизически улупленные люди въ своемъ большинствѣ — политическіе слѣпцы, а политически зрячіе — въ своей массѣ пошляки

**) Психологія «младонѣмцевъ» ближе къ психологіи лучшихъ представителей Галлнполійства, чѣмъ къ психологіи младороссовъ, уже приближающихся, несмотря на свой легитимизмъ, къ фашизму и національ-соціализму.

вавшихъ побѣдъ вулгарнаго національ-соціализма. Не думаю, чтобы союзъ между національ-народничествомъ младодвиженства и партійнымъ національ-соціализмомъ былъ дологъ и проченъ. Еще недавно слышалъ я, какъ очень юная студентка, бѣлая кофточка которой была заколота булавкой съ изображеніемъ расистскаго креста, со слезами на глазахъ и съ пылающими щеками негодовалъ на національ-соціалистовъ, за то, что они правое дѣло молодежи защищаютъ глупыми, старыми средствами. Рѣчь шла о дѣйствительно нелѣломъ сообщеніи центральнаго національ-соціалистическаго органа, будто бы врачъ еврей отказался перевязать національ-соціалиста, раненаго въ схваткѣ съ коммунистами. То, что національ-народническое младодвиженіе частично, по крайней мѣрѣ, слитось съ національ-соціалистической демагогіей объясняется, кромѣ какъ общностью нѣкоторыхъ міросозерцательныхъ положеній, еще и тою напряженностью оскорбленнаго національнаго чувства, которая такъ велика и остра сейчасъ во многихъ кругахъ Германіи. Отставленные, не только раненыя, но и здоровые офицеры, старые чиновные служаки, профессора стараго закала, раззорившіеся помѣщичьи и ихъ вѣрные слуги, однимъ словомъ цѣлая армія старорежимныхъ людей, объединенныхъ, несмотря на всю разницу своего образовательнаго ценза и соціального положенія весьма характернымъ для довоенной Германіи общимъ признакомъ «презрѣніе къ политикѣ», какъ къ грязному дѣлу, все еще не можетъ понять, какъ это могло случиться, что Германія все время выигрывала битвы и все-же оказалась разбитой наголову. Ихъ какъ каленымъ желѣзомъ жжетъ оскорбленіе за то, что святыни крови и духа, что творили военные подвиги, были въ концѣ концовъ загнаны въ непонятный имъ тупикъ политическаго конъюнктуризма и позорно умучены въ немъ. Интересно, что патриархальныя семьи, въ которыхъ дѣды и отцы волнуются такими чувствами, а дѣти носятъ національ-соціалистическія значки, — самыя, въ своей внутренней жизни счастливыя нѣмецкія семьи, не знающія розни отцовъ и дѣтей. Они живутъ бѣдно, но порядливо; не потребляютъ никакихъ привозныхъ товаровъ, не покупаютъ ничего въ универсальныхъ магазинахъ («еврейскія акціонерныя общества»); презирая радіо и граммофонъ, составляютъ домашніе тріо и квартеты; читаютъ Бисмарка, Ранке, Шпенглера и Гитлера. Будучи антисемитами, они,

конечно, отклоняють всякое государственное насиліе надъ еврействомъ, но требуютъ организованной самозащиты германскаго духа путемъ бойкота еврейскихъ газетъ и еврейской эстрады.

Таковы главныя силы того національ-соціалистическаго повѣтрія, которыя содѣйствовали побѣдѣ расистовъ на послѣднихъ выборахъ въ Рейхстагъ.

Разсмотрѣвъ идеологію и программу національ-соціалистической партіи и намѣтивъ тѣ многообразныя міросозерцательныя психологическія теченія, которыя поддерживали расистовъ 14-го сентября, намъ необходимо коснуться вопроса организациі національ-соціалистическаго движенія. Надо сказать прямо: насколько Гитлеръ неумень, грубъ и произволенъ, какъ теоретикъ и идеологъ, настолько онъ чутокъ и талантливъ какъ организаторъ. Его основной организационный принципъ, развиваемый имъ въ его книгѣ, сводится къ положенію, что количество организованныхъ партійцевъ и количество сочувствующихъ партійной организациі людей -- величины обратно пропорціональныя. Чѣмъ больше партія, тѣмъ выше въ ней процентъ негодныхъ элементовъ, тѣмъ больше ея шансъ на самоскомпрометтированіе. Отсюда стремленіе къ очень крѣпкой, военно-авторитарной организациі, въ члены которой молодыя люди принимаются по всестороннему испытанію ихъ «личной годности». Съ утвержденіемъ строгой военной дисциплины національ-соціалистическая организациі соединяетъ требованіе самостоятельности и находчивости. Съ большимъ умомъ использовалъ Гитлеръ въ своихъ организацияхъ и въ организациі воздѣйствія своихъ ъорганизаций на массы всѣ мотивы массовой и въ особенности пореволюціонной массовой психологіи.

Съ хорошею зоркостью подмѣтилъ и въ нѣсколькихъ сатирическихъ главахъ своей книги талантливо описалъ онъ зеленую скуку всѣхъ политическихъ, въ особенности Гугенберговскихъ осюптученныхъ и омонокленныхъ собраній. Правильно услышалъ и ловко учелъ убыль идеалистическаго утопизма въ рядахъ социаль-демократической партіи. Даже такой убѣжденный социаль-демократъ, какъ де-Маннъ, подчеркиваетъ, что при всей наивности и непухлости политическихъ желаній стоя-

щихъ за національ-соціалистами массъ. въ желаніяхъ этихъ массъ таится правильное чувство уничиженности личности въ парламентски-партийномъ механизмѣ современности. Надо отдать справедливость Гитлеру, что онъ, какъ никто сумѣлъ использовать тягу массы къ вождю, безличія къ личности. Подобравъ и воспитавъ рядъ близкихъ себѣ по духу вождей, окруживъ себя и ихъ кольцомъ преданныхъ друзей, набербовавъ очень хорошо оплачиваемыхъ тѣлохранителей, одѣвъ своихъ отважныхъ, обученныхъ боксу и приемамъ японской борьбы «молодцовъ» (meine Jungens) въ ловкую походную форму и снабдивъ свое воинство знаменами и оркестрами, Гитлеръ двинулся въ избирательный походъ не только въ качествѣ вождя политической партіи, но и въ качествѣ главы какого-то массоваго народнаго дѣйства. Антреприза національ-соціалистовъ была самой богатой и безусловно самой талантливой. Во всѣхъ городахъ они снимали по нѣскольку, всегда самыхъ лучшихъ и самыхъ большихъ помѣщеній. У нихъ показывались самыя забавныя чучела — француза, капиталиста, еврея. Ихъ разукрашенные грузовики, перегруженные нарядною молодежью, летали, развѣвая знамена по всѣмъ улицамъ города. Стройные, подтянутые, живописные юноши всюду разбрасывали листовки. Гремѣла музыка.

Вечеромъ все это звонкое, тревожное и увлекающее волненіе перерождалось въ страстное напряженіе громадныхъ (до 6-7 тысячъ слушателей) митинговъ. Гитлеровскія рѣчи, не производящія въ чтеніи никакого впечатлѣнія, рѣшительно гипнотизировали массу. Достигалъ Гитлеръ такого вліянія своею исключительною медіумичностью. Его рѣчи захватывали массы потому, что обращаясь къ массамъ, онъ отдавался имъ, не боясь ни хаоса, ни бойни. Эта демагогическая самоотдача не была для него однако ложью: вѣдь исторію дѣлаютъ личности; задача же массы — вынести вождя на то мѣсто, съ котораго онъ сможетъ начать свой творческій путь. Предвыборная психологія Гитлера и его друзей была очевидно такова: лишь бы вынести, а тамъ осмотримся. Анализъ главныхъ національныхъ соціалистическихъ рѣчей въ Рейхстагѣ подтверждаетъ правильность этого утвержденія. Снисходя до скоморошества и часто гоняясь за политическимъ райкомъ, національ-соціалисты ни на минуту не переставали говорить объ «идеѣ», противопоставляя свою святую вѣ-

ру въ нее мелкотравчатой корысти всѣхъ остальныхъ партій. Каждое избіеніе національ-соціалиста коммунистомъ или полицейскимъ, они мастерски раздували въ громадное событіе, талантливо создавая вокругъ жертвъ своей предвыборной борьбы героическую атмосферу мученичества и исповѣдничества. Причемъ они въ своихъ газетахъ и листовкахъ не только озлобленно и трафаретно ругали враговъ, какъ то дѣлали коммунисты, но съ гнѣвною скорбью оплакивали павшихъ друзей, клянясь «отомстить и побѣдить». Все это продѣлывалось не безъ нѣкоторой пошловатой сентиментальности, но все это и свершалось съ подлиннымъ чувствомъ. Во всемъ было много сознательнаго расчета, но во всемъ былъ и бессознательный самообманъ. Во время выборовъ національ-соціалисты безчинствовали не хуже коммунистовъ, но въ обществѣ часто слышалось: «бѣдные національ-соціалисты, какъ жестоко расправляется съ ними полиція». Думаю, что въ этомъ сочувствіи къ національ-соціалистамъ, борцамъ за свободу Германіи, своеобразно преломлялась жалость многихъ социальна и экономически сниженныхъ нѣмцевъ къ самимъ себѣ. Уже упоминавшійся де Маннъ вѣрно указываетъ на то, что внезапное обостреніе националистическихъ чувствъ въ мелкобуржуазной средѣ объясняется прежде всего быстрымъ и неудержимымъ сниженіемъ ея жизненнаго уровня; говоря языкомъ Маркса — ея пролетаризаціей. Человѣкъ не можетъ опускаться сразу во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы жить и дѣйствовать ему необходимо объективно неизбѣжное сниженіе своей жизни компенсировать представленіемъ о ея одновременномъ повышеніи въ какомъ либо другомъ направленіи. Та компенсація, которую создалъ для пролетаріата Марксъ своимъ ученіемъ о пролетаріатѣ, какъ объ избранномъ классѣ, которому суждено ввести человечество въ царство международной солидарности и вѣкклассоваго государства для мелко-буржуазнаго сознанія, въ его нынѣшней стадіи, по крайней мѣрѣ, непріемлема. Потому было необходимо перенести компенсирующее представленіе о грядущемъ восходѣ изъ сферы социальной, въ сферу національную: «да, мы раззорены, мы съ каждымъ днемъ опускаемся все ниже и ниже, но мы все вынесемъ и вытерпимъ, дабы наши дѣти, расквитавшись съ врагами, могли-бы войти въ «царство свободы».

Надо отдать справедливость Гитлеру, что въ своей пред-

выборной агитаціи онъ съ большимъ мастерствомъ пользовалъ весьма сложную психологическую конъюнктуру современной Германіи.

Въ заключеніе нѣсколько словъ анализа и критики.

Расисты называютъ себя «нѣмецкой, національ-соціалистической рабочей партіей». Мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта партія и не нѣмецкая, и не національная, и не социалистическая, и не рабочая.

Типично-нѣмецкою партію національ-соціалистовъ нельзя считать потому, что отличительной чертой нѣмецкаго духа являются: метафизичность, философичность, музыкальность, очень большая (часто ложная) сложность, индивидуалистичность и главное — широкая открытость навстрѣчу всему чужому и инородному (съ этими чертами связаиъ органической гуманизмъ и космополитизмъ лучшихъ нѣмцевъ типа Лессинга и Гете). Вся эта Германія (болѣе близкая Греціи, чѣмъ Риму) національ-соціалистами не ощущается и за ними не стоитъ. Въ книгѣ Гитлера есть характерная фраза: «юноша, занимающійся сейчасъ философіей — не нѣмецкій юноша!» Вѣрно какъ разъ обратное: лучшие нѣмецкіе юноши занимаются сейчасъ философіей и богословіемъ, Гейдеккеромъ и Бартомъ. Духовный уровень Гитлера и всего созданнаго имъ движенія не по нѣмецки низокъ и убогъ. Существуетъ преданье, что, когда древніе германцы крестились, они высовывали изъ рѣки руку, въ кулакѣ которой былъ зажатъ мечъ, дабы эта рука осталась не крещеной. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что міросозерцаніе Гитлера родилось не въ нѣмецкой головѣ, а въ некрещенномъ германскомъ кулакѣ.

Зная, хотя бы только поверхностно Германію, нельзя не присоединиться къ мнѣнію Томаса Манна, что «изъ такого стараго, зрѣлаго, многоопытнаго и о многомъ взыскающаго культурнаго народа, какъ нѣмцы, у которыхъ за плечами сложнѣйшія духовныя и душевныя приключенія, которыя создали міровую, высокую классику, глубокую и утонченную романтику, Гете, Шопенгауэра, Ницше, и у которыхъ въ крови возвышенная болѣзнь Вагнеровскаго Тристана... никакими средствами нельзя создать примитивнаго, чистокровнаго, умою и сердцемъ незатѣй-

ливаго, голубоглазо-послушнаго, каблуками постукивающего народа» *).

Не лучше обстоитъ дѣло съ моментомъ націи. Своеобразие національ-соціалистическаго націонализма совершенно очевидно заключается въ отрицаніи идеи націи, и даже больше: въ отсутствіи ощущенія того весьма сложнаго единства, которое именуется націей. Вся сущность расистской концепціи сводится къ отрицанію націи въ пользу расы, рода, племени. Нац.-соціалисты просто не видятъ, что тѣ образованія, которыя мы именуемъ европейскими націями, являются продуктами очень сложнаго взаимодействія весьма разныхъ расъ и племенъ; объединеніями, отнюдь не природными, но историческими, въ которыхъ языкъ, ликъ родившей тебя земли, образъ взлѣтѣвшей тебя культуры, играютъ гораздо большую роль, чѣмъ весьма проблематическое понятіе крови. Национализмъ національ-соціалистовъ подлинно зоологическій расизмъ, на которомъ никакой культуры и никакого государства никогда, конечно, не построить.

Еще очевиднѣе обстоитъ дѣло съ двумя послѣдними пунктами. Никакими ухищреніями націоналистической мысли изъ прусской государственности, основанной на работѣ, долгѣ и службѣ соціалистическаго строя не выгонишь. Главное, что мѣшаетъ національ-соціалистамъ понять проблему социализма это то, что они вмѣстѣ со Сталинымъ (но только не по окончательному коммунистическому отчаянью, а по изначальному націоналистическому чаянію) защищаютъ социализмъ въ одной странѣ (wirtschaftliche Autarkie), не понимая, что главная хозяйственная проблема социализма заключается въ разрѣшеніи проблемы мірового рынка, въ приуроченіи національнаго производства къ международному рынку.

О томъ, что національ-соціалисты не рабочая партія, не стоитъ и говорить; это уже достаточно выяснено въ главѣ о соціальной природѣ расизма. Называть себя рабочею партіей національ-соціалисты могутъ лишь въ смыслѣ подчеркнутаго указанія на то, что они хотѣли бы таковыми стать, что они видятъ свое назначеніе въ борьбѣ противъ теоріи и практики классовой борьбы и въ национализациі души нѣмецкаго рабочаго. Но и этого сво-

*) Deutsche Ansprache von Thomas Mann. S. Fischer Verlag. Berlin. 3v.

его назначенія національ-соціалистамъ не исполнить. Что касается ихъ борьбы противъ раздуванія классовой вражды, то нельзя не видѣть, что ее гораздо успѣшнѣе ведетъ социаль-демократія, которую національ-соціалисты заодно съ коммунистами злобно ругаютъ, «за предательство интересовъ рабочаго класса буржуазіи». Что же касается націонализации души нѣмецкаго рабочаго, то вѣдь на голломъ антисемитизмѣ и франкофобствѣ этой сложной задачи не разрѣшишь.

Но если дѣло національ-соціализма обстоитъ такъ печально, то чѣмъ же все-таки объяснить его успѣхъ? Большинство недоброжелателей объясняетъ его просто на просто психологіей «отчаянія», которая, разочаровавшись во всемъ извѣстномъ, хватается за все еще невѣдомое, неиспытанное. Объясненіе это вѣрно, но недостаточно. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Германія повернулась лицомъ къ національ-соціалистамъ на томъ же основаніи или такъ же неосновательно, какъ больной и его родственники, разочаровавшись во врачахъ, обращаются къ знахарямъ и гадалкамъ. Это вѣрно, но недостаточно. Нельзя не видѣть, какъ на то правильно указываетъ Юніусъ Альтеръ *), что за національ-соціалистовъ голосовало не только отчаяніе, не только страхъ за будущность, страхъ передъ безработицей и безработными, но и жажда широкихъ слоевъ нѣмецкаго народа, жажда массы — принять творческое участіе въ созиданіи духовно-культурнаго и политически соціального образа грядущей Германіи. Эту жажду уловилъ и удовлетворилъ національ-соціализмъ. При всей, только что подчеркнутой ложности расистскаго міросозерцанія, ему все же нельзя отказать въ цѣлостности, рельефности, широтѣ и смѣлости. Созданное для массъ, оно массамъ видно издалека. Въ этомъ его громадное агитационное достоинство. Главная причина побѣды національ-соціализма безусловно заключается въ томъ, что это враждебное философіи и культурѣ теченіе облекло свою политическую проповѣдь въ форму философіи культуры, созвучной по своему смыслу кровотокащей, бредящей, неуравновѣсненной душѣ пореволюціонной Германіи.

*) Junius Alter: Nationalisten. Verlag von K. F. Rochler in Leipzig.

Одержатъ или не одержатъ побѣду національ-соціалисты — сказать трудно и гадать ни къ чему. Ясно одно. Побѣда эта была-бы величайшимъ несчастьемъ, которое вообще можетъ разразиться не только надъ Германіей, но и надъ всей Европой. Для ея предупрежденія необходимо пересмотрѣть Версальскаго договора, на предметъ экономическаго оздоровленія Германіи, но въ первую очередь отказъ союзниковъ отъ того нелѣпаго пункта Версальскаго договора, который возлагаетъ всю отвѣтственность за войну на одну Германію. Политически этотъ моралистическій пунктъ союзникамъ ничего не даетъ, агитационная же роль его въ Германіи весьма велика и вредна. «Лучшій залогъ мира», — говоритъ Томасъ Маннъ, — «душевное здоровье нѣмецкаго народа». Душевному же оздоровленію Германіи ничто такъ не мѣшаетъ, какъ утверженіе ея какой-то особой и исключительной вины. Чтобы понять это, надо только вдуматься въ гениальную повѣсть Клейста «Michael Kohlhaas». Среди нѣмцевъ очень много Kohlhaas'овъ, т. е. людей на смерть раненыхъ неутолимой жадной абсолютной справедливости.

Но кромѣ этого необходимо еще и другое, необходимо, не уступая ни одного грамма подлиннаго народоуправства цезарскимъ вождельніямъ диктаторскаго фантазерства, какъ-то обновить и углубить формы современнаго демократизма. Смертные грѣхи западно-европейской демократіи, о которыхъ сейчасъ такъ много говорятъ не худшіе изъ демократовъ и которые можно отрицать только по слѣпости, заключаются въ порванности тріединой связи между демократіей и идеей, демократіей и личностью, демократіей и массой. Всѣмъ демократамъ надо твердо помнить, что только черезъ возстановленіе этой связи возможна побѣда демократіи надъ соблазномъ диктатуры. Всѣмъ же врагамъ демократіи, склоннымъ защищать диктатуру, какъ единственно органическую связь идеи, личности и массы, хорошо бы понять, что внѣ того строгаго ограниченія воли каждаго общемою волею, въ котромъ въ послѣднемъ счетѣ и заключается принципъ демократіи, вообще невозможно создать политическаго міросозерцанія, чуждаго произволу, политическаго водительства, чуждаго демагогіи и массовой организаціи, не толкающей массы въ сторону бандитизма.

Всѣ эти вопросы касаются не только Германіи и національ-соціализма, но прежде всего Россіи и тѣхъ русскихъ идей и организацій, которыя тяготеютъ къ фашистски-націоналистическому переоформленію распадающагося коммунизма.

Н. Лугановъ.